

Надежда Попова

**Элли из
Мэриленда**

Надежда Попова
Элли из Мэриленда

«Автор»

2025

Попова Н.

Элли из Мэриленда / Н. Попова — «Автор», 2025

Героя, простого деревенского мужика, всю жизнь преследует навязчивое видение - образ молодой женщины в платье на старинном велосипеде с сеточками на колёсах. Погоня за дразнящим призраком доставляет мучительное наслаждение, но рушит его жизнь. Он одержим одним желанием - найти, догнать, овладеть. Но чем придётся заплатить хотя бы за иллюзию его исполнения? Или это не имеет значения?

Надежда Попова

Элли из Мэриленда

– Степаныч, ну ты чего? Садись давай, ехать надо. Пока доедем, разложимся, поесть толком не успеем. Лучше бы в пловную зашли в Заполье, пообедали бы не спеша. Дался вам с Генкой этот магазин!

Грузный Василий Степанович, одетый в рабочую спецовку, отрешённо смотрел вдоль дороги.

– Степаныч, ау!.. Ты с нами?

Водитель поводит рукой перед его лицом, щёлкая пальцами. Василий Степанович, добежав глазами до поворота, тряхнул головой и вернулся в нетерпеливо призывающую его к себе реальность.

– Видел, какая поехала? – сказал он, влезая в кабину оранжевого фургона с красной полосой и надписью «Аварийная служба», – на велосипеде?

– А-а-а, я её раньше видел. Чудная какая-то.

– Дачница, небось, – равнодушно сказал молодой напарник Генка, – из Москвы. Там полно таких, прибабахнутых.

И начал рассказывать о своих мытарствах с оформлением ипотеки.

Василий Степанович молчал. Перед его мысленным взором стояла только что увиденная картинка: по краю дороги едет на велосипеде женщина. Скрывается за поворотом. Всё.

Казалось бы – ну, и что? Лето, многие ездят на велосипедах, и дачники, и местные. Но его это короткое видение пронзило до глубины души. Даже прохватил ознобом подзабытый уже азарт охотника, волнение, вдруг вспыхнувшие воспоминания о несбывшихся, юношеских ещё желаниях.

Он тогда вернулся из армии – высокий, широкоплечий, с усами. Десантура, голубые береты, элита! Парадная форма, дембельский альбом, чемодан – всё по высшему разряду. От девок отбою не было. А та, что его провожала, обещала ждать и дождалась, показалась вдруг какой-то бледной, неинтересной, даже странно было вспоминать, как целовались, прощаясь, как ждал её писем, как мечтал о встрече. Встретились – и ничего не ёкнуло. У него. Она-то была счастлива, всё жалась к нему, смотрела влюблёнными глазами, ждала. Они договорились ещё два года назад, что он вернётся, и они сразу поженятся. И родители ждали. И её, и его. Не дождалась. Он не рвал с ней, просто сказал, что не готов жениться вот так, сразу, просил подождать. Старался спустить всё на тормозах. Устроился на работу, всё свободное время проводил в компаниях, с друзьями, с девчонками. Кино, посиделки с гитарами и вином, танцы под модную зарубежную музыку, катания на мотоциклах, поездки в Москву – погулять и развлечься. Она поначалу тоже была с ними. Потом отстала. У него как камень с души свалился. Виделись всё реже и реже. Так и сошло на нет.

И была в то лето в их посёлке девчонка, из дачников, на которую он запал с первого взгляда и чьё внимание к себе изо всех сил старался привлечь. Но безуспешно. Она жила в старой, «дачной», части посёлка, где были двухэтажные дома с башенками и большими террасами с разноцветными стёклами на полугектарных лесных участках, обнесённых высокими глухими заборами. У неё была своя компания. Вроде всё то же самое – велосипеды, мотоциклы, магнитофоны, кино, гитары, песни, купание, костры. Но всё другое. Другие разговоры, другие песни, другие отношения. Вот те дачники, что жили в их рабочем посёлке, – те, кто снимали и кто приезжал к своим бабушкам и родственникам, были проще, понятнее, водились с местными. Бывало, что и дрались, но в целом вместе весело проводили каникулы. Эти же держались особняком. Их даже не задирали – у них родители не чета поселковым, кто в чинах, кто при высоких должностях, все со связями.

Однако, пруд с насыпным песчаным берегом, опушка леса, кинотеатр, прозрачная берёзовая рощица рядом с ним, магазины на станции, где продавали сладости и мороженое, – общие, одни для всех, так что, компании молодёжи время от времени пересекались и даже проводили какое-то время рядом, соблюдая нейтралитет.

Сейчас Василию Степанычу вспомнилась та девчонка на берегу пруда на полотенце, она же в сарафанчике на велосипеде, сам велосипед, капризно изогнутые губы, что-то говорящие не по-нашему, незнакомая артикуляция, в которой чудилась насмешка. Над ним.

Это словно тонкой кисточкой прорисованное лицо в облаке светлых пушистых волос он жадно целовал во снах и выискивал взглядом наяву.

Не мог оторвать глаз от стройного бело-розового тела в крошечном купальнике. Дико хотелось сгрести его в охапку и прижать к своему – крепкому, разгорячённому, так, чтобы хрустнули хрупкие косточки и она восторженно пискнула. И он, стараясь держаться в поле её зрения, выделялся, как мог: картинно плавал, нырял, доставал на спор со дна мелкие предметы, прохаживался по песку, демонстрируя рост и мускулатуру, делал упражнения на турнике, высоко подпрыгивал и мощным ударом гасил самые трудные мячи, играя в волейбол. Ну, разуй же ты глаза, посмотри, я какой! Не чета твоим городским хлипким приятелям. Но она не проявляла никакого интереса. Зато её компанию Васины экзерсисы веселили и развлекали, и один раз он услышал насмешливое:

– Первый парень на деревне!

– А в деревне один дом!

И дружный смех, в котором он различил и её голос.

Его тогда удержали ребята и девчонки, а не то быть бы драке. Хотя, что обидного? Он действительно был в то лето первым парнем и искренне ожидал, что любая приглянувшаяся девчонка с визгом бросится ему на шею.

Как-то, в очередной раз проходя мимо их компании, он остановился около неё – ноги расставлены, руки бугрятся бицепсами и трицепсами, грудь колесом. Кто-то из парней хихикнул. Две девушки посмотрели оценивающе и перекинулись парой фраз, он не разобрал. Она – о, вот и имя всплыло в памяти, такое нежное и нездешнее: Неля – читала книжку, лёжа на животе и болтая согнутыми в коленях ногами. Он сделал шаг в сторону, и его тень легла на страницы. Она подняла голову.

– Интересно? – спросил он, глядя вниз. Спина покрыта лёгким загаром и песчинками, волосы на лбу прижаты козырьком на резиночке. Текст напечатан не нашими буквами. – Учебник, что ли?

Она показала ему обложку и что-то сказала не по-русски. Со смешком откликнулся какой-то парень, лениво произнесла длинную фразу крупная красивая девушка, Неля повернулась к ним и стала что-то оживлённо говорить. В ответ посыпались реплики, раздался смех. Она потянулась за чьей-то рубашкой, накинула её на себя и осталась на правом боку, лицом к своим.

Василий стоял за её спиной, не зная, что сказать, что вообще делать. В школе он учил немецкий, вернее, «проходил мимо немецкого», и не мог на слух определить ни один иностранный язык. Что они говорят? В душе вспыхнула злость на мать с отцом. За его учёбой не следили, не проверяли уроки, не требовали хороших оценок, не ругали за прогулы, как это делали родители многих ребят. Ставят тройки, перетаскивают из класса в класс – и хорошо. Чтобы стать слесарем, электриком, шофёром, больше и не надо. А там армия ещё ума добавит. А он, дурак, радовался. Немецкий у них вела молодая учительница, мать-одиночка из соседнего села. Отец каждую весну бесплатно пахал ей огород, обеспечивая своему оболтусу в году трояк, а себе с матерью – спокойствие. А эти тарыхтят, как из пулемёта, смеются. А он стоит весь такой из себя, а ответить не может. Уйти молча – значит, признать поражение. Свои-то ребята тоже ведь глаз с него не спускают. А он привык, что последнее слово всегда за ним.

Наконец, кто-то из парней перешёл на родную речь и снисходительно отпустил стоящего столбом неотёсанного деревенского простака, которых они называли «аборигенами»:

– Иди, Вася, гуляй, купайся.

Она даже не шевельнулась. А ведь знает, что всё из-за неё. И он отошёл, с разбега прыгнул в воду, долго нырял, плавал, пока не выдохнул из себя всю злость, потом вылез на берег и растянулся на песке, обнимая сразу двух подсунувшихся девчонок.

Довольно часто он видел её на велосипеде. Обычно в компании, а иногда с кем-нибудь вдвоём. Смотрел из окна или сидя на лавочке у калитки. Из того старого дачного посёлка куда ни ехать – обязательно мимо его дома. Заметив, что она появляется то с подружкой, то с разными мальчишками, он сделал вывод, что постоянного парня у неё нет. Тогда вообще не понятно.

Однажды он обогнал её, идущую со станции, на своём велосипеде. У неё в руках была хозяйственная сумка. Он удивился. Ему казалось, что такие девушки не ходят в магазин за продуктами и вообще ничего тяжелее учебника по иностранному языку не поднимают. Из сумки вкусно пахло копчёной колбасой, выглядывали какие-то разноцветные упаковки. Точно не из их магазина. Из Москвы везёт. Он остановился, предложил помочь, подвезти. Она вежливо отказалась. Он настаивал, уже представляя, как, пристроив сумку на багажник, посадит её на раму перед собой и медленно поедет, держа её почти в объятиях и касаясь лицом пушистых волос. В голосе и взгляде дачницы промелькнуло раздражение.

– Не нужно, спасибо. Я сама.

– Ну, давай, хоть сумку донесу.

– Не надо.

Она переложила сумку в другую руку и пошла по обочине, сторонясь его.

Не хочет – понял Василий. Действительно не хочет. Не понял только – почему? И главное, он видел, что сумка тяжёлая, а идти ей далеко. Вот упрямая!

– Бери мой велик, сумку к багажнику пристегнём, доедешь до дома, а я подойду и заберу.

Она остановилась, посмотрела ему прямо в глаза.

– Не нужен мне твой велик. Сам на нём кати. Что ты возле меня плетёшься?

– Помочь хочу, – терпеливо объяснил Вася, – на велике быстрее и легче.

– Я всё равно не смогу на нём ехать, – сказала Неля, – неужели ты не понимаешь?

– Нет, – растерялся он, – почему не сможешь?

– Потому что он мужской. А я, если ты заметил, в платье. И отстань уже, наконец!

Она быстрее зашагала вперёд. А до него только сейчас дошло, что он всегда видел её на голубом девчачьем велосипеде с низко открытой, плавно изогнутой рамой. И каталась она на нём в платье, сарафане, юбке. Потому что ей не нужно было закидывать ногу, чтобы сесть на сиденье. Этим она отличалась от других девчонок, которые катались в брюках, шортах, бриджах, потому что такой велосипед был только у неё.

Вот что врезалось тогда в память и вспомнилось сейчас, при виде этой женщины, скрывшейся за поворотом – такой же велосипед с цветными сетками, закрывающими до середины колёса, он ещё всё гадал, вязаные они или плетёные и зачем нужны, неужели только для красоты? И необычная посадка женщины – она сидела с прямой спиной, легко держа высокий причудливо изогнутый руль. Та Неля ездил так же. А все катались на дорожных или спортивных велосипедах, сильно наклонившись вперёд, с упором на руки.

Им тогда овладело непреодолимое желание – добиться, завладеть. Любой ценой. Зачем? Чтобы насладиться? Чтобы отомстить? Он и сам не знал. Может быть, чтобы насладиться отмщением. За пренебрежение. За высокомерие. За то, что он ей не ровня.

То лето закончилось ничем. Хотя он упорно её преследовал и уже готов был даже силой затащить в какое-нибудь укромное место. Но она, если и появлялась где-то одна, то рядом

непрерывно оказывались какие-то люди. Над ним стали даже смеяться в посёлке. А в начале августа она уехала – он слышал, что с родителями на юг.

В следующие два-три лета она приезжала редко, только на выходные и одна по посёлку не ходила, всегда с кем-то. Он даже вычислил за это время двух предполагаемых ухажёров и лелеял планы, как переломать им ноги у неё на глазах, чтобы она поняла, что он ни за что не отступится, и оценила силу его чувств. И сдалась наконец. Он видел в кино – два рыцаря дрались из-за дамы и она досталась победителю.

Но друзья, которые всерьёз опасались, что Васька из-за этой fify натворит делов, – крышу-то ему снесло капитально – удержали, отвлекли. Спасли и его – возможно, от тюрьмы, и её от вполне вероятного насилия, и неизвестного, ни в чём не повинного парня от перспективы быть покалеченным. Так что, обошлось. А потом она перестала появляться в посёлке, да и вся её компания тоже, со старых дач приходили на пруд и на опушку совсем другие ребята. А потом Василий женился. Молодая жена, работа, хозяйство, родившийся через полгода после свадьбы первенец, казалось, вытеснили из головы образ девушки с гордо поднятой пушистой головкой, восседающей в сарафанчике на велосипеде с цветными сеточками.

А нет. Оказалось, не вытеснили, а только временно потеснили.

Жили Василий с женой хорошо, в любви и согласии. Держали большое хозяйство, работали. Воспитывали уже двоих сыновей. Жена была крупная, кровь с молоком, расторопная, жаркая, весёлая. Спросили бы у него: любишь свою жену? – он бы удивился. Конечно, любит. Недаром же выбрал её из большого числа других, которые с радостью пошли бы за него. Отличная хозяйка, верная, ласковая жена, заботливая мать, да и сама видная, фигуристая, всё при ней. Бывало, за день на пару окучивали десять соток картошки, потом он топил баню, она готовила ужин. И, уставшие, чистые, сытые – на сеновал. Утром тесть только посмеивается:

– Вот же ж молодежь – сено после них не соберёшь, всё разметали!

Казалось бы, что ещё нужно для счастья?

И свои, чисто мужские, радости у Василия были. Рыбалка, футбол, посиделки в гараже с друзьями. Жена не возражала, понимала – мужику нужна отдушина. Ворчала иногда, но беззлобно, и он не обижался, понимал: для порядку.

И женщины на стороне бывали. Но про это жена ни сном ни духом. Он работал электриком в разных организациях – с ночными и суточными дежурствами, выездами на аварии, халтурами. Так что, была возможность и гульнуть, и скрыть. И если какая бабёнка намекала, что не прочь, он никогда не отказывался.

Со временем Вася закабанел, поуспокоился, казался большим добродушным медведем. Жена, помнившая, каким он был в молодости, и всё время опасавшаяся, как бы его не потянуло на сторону, расслабилась и наслаждалась их размеренной, хорошо налаженной семейной жизнью. Вот правильно говорят, что мужик должен до свадьбы нагуляться, перебеситься, тогда и семье ничто не будет угрожать.

Дом их был полная чаша. И всё время что-то пристраивали, улучшали, покупали. Машину поменяли на иномарку, сыновьям оборудовали к школе большую детскую в два окна, разделили пополам стеллажами. Вроде и вместе, но в то же время и отдельно. Купили видеомагнитофон, брали в прокате кассеты, смотрели по вечерам вместе фильмы. Дети любили мультики, кино про собаку Бетховена, они с Васей – наши комедии, жена прихватывала ещё импортные – американские, французские. Попалась пара-тройка чёрно-белых, похоже, сороковых, а может, и тридцатых годов, весёлые, смешные, лёгкие, с красивой музыкой. Жене понравились. Они даже посмотрели их по второму разу. Потом сдали, набрали новых.

Не сразу жена заметила, что с Васей что-то не то. Он стал молчалив, рассеян, отвечал часто невпопад. Спросишь его о чём-нибудь, а он смотрит сквозь тебя пустыми глазами и словно не слышит. Потом встрепенётся, буркнет что-то и уйдёт. Вечером спать ложиться, а у него дела какие-то.

– Ты ложись, я скоро приду.

Жена за день умается, засыпает быстро, крепко. Ночью повернётся – муж рядом, обнимет его и спит дальше. Но через какое-то время забеспокоилась.

Мужнины ласки стали редкими, вялыми, словно через силу. Первая мысль была – не завёл ли кого на стороне? Да не похоже, всё свободное от работы время дома. Но лицом потемнел, какой-то напряжённый, будто думает постоянно о чём-то. Может, заболел? Нет, говорит, всё нормально, здоров. Что тогда? И чем он занят в то время, когда должен спать в супружеской постели, обнимая жену? Теперь ведь иногда ночью проснёшься, а его нет. Она выйдет в коридор, а под закрытой дверью большой комнаты слабый свет. Она раз дёрнула дверь, а он сидит на диване перед выключенным видеком. Посмотрел на неё так, что стало страшно. Больше не заглядывала. Но мысли-то мучают. Неладное что-то происходит. Может, к порнушке пристрастился? Почему? Зачем? Взрослый мужик, женатый. И уж с чем-чем, а с бабами у него проблем никогда не было.

Сон отшибло напрочь. Жена женщина энергичная, решительная, решила выяснить. Тут как раз Василий привёз большой арбуз, ели его после ужина во дворе, за уличным столом. Вечер был тёплый, тихий. Завтра выходной, рано не вставать. Дети радовались, пулялись скользкими семечками. Раньше мама не разрешала арбуз перед сном.

Ночью она лежала в кровати одна, чутко прислушиваясь. Муж был в другой комнате. Арбуза поел от души, надо только немного подождать. Наконец, скрипнула дверь, застонала половица в коридоре под тяжёлыми шагами. Звякнула щеколда. Муж вышел во двор. Она выскользнула из-под одеяла, босиком прокралась в большую комнату. Видак включен, поставлен на паузу. Она сразу узнала фильм. Комедия. Одна из тех, старых, чёрно-белых. Странно. Они же сдали те кассеты. Значит, Вася её снова взял и смотрит тайком, один? Почему? Вернулась, легла. Через какое-то время, когда он вернулся в дом и снова закрылся в той комнате, встала по нужде, по пути приложила ухом к щели между дверью и косяком. Полная тишина. А свет от экрана пробивается. Он что, смотрит музыкальную комедию без звука? Вообще непонятно. Потом она ещё несколько раз повторяла свои вылазки и убедилась: Вася в одиночестве смотрит без звука один и тот же фильм, старую чёрно-белую комедию. Ей стало как-то не по себе.

Когда в первый раз поставили ту кассету и на экране замелькали титры на иностранном языке и зазвучала несовременная весёлая музыка, Василий скрестил в щиколотках далеко вытянутые ноги, подsunул под спину подушку и прикрыл глаза, намереваясь подремать под допотопную киношку, которую выбрала, видимо, жена. А может, дети. Он не любил такие старые, тем более, зарубежные, тем более, музыкальные. Но музыка была бодрая, задорная, исполняемая, похоже, большим оркестром, и он прислушался. На фоне музыки зазвучали голоса героев, то говорящих, то поющих на непонятном языке, на них накладывался монотонно бубнящий без выражения уже по-русски гнусавый голос переводчика. Василий поморщился, приоткрыл один глаз.

Прямо на него ехала на велосипеде хорошенькая барышня, похожая на повзрослевшую Нелю. Он её сразу узнал. Стройная фигурка в летнем платье с оборками, соломенная шляпка, кокетливо сидящая на светлых пушистых волосах. А главное – велосипед! С низко открытой, изящно выгнутой рамой, колёса до середины прикрыты – вязаными?... плетёными?... – сеточками. И сидела героиня с прямой спиной, едва касаясь кончиками пальцев высокого блестящего руля с большим клаксоном. Она ехала по тротуару мимо старинных особнячков, ветер развеивал подол лёгкого платья, мелькали тонкие ножки в ажурных чулочках. Девушка улыбалась, что-то напевала и смотрела на Васю, словно улыбалась и пела ему.

Его как будто ударили кулаком под дых. И от этого удара упокоившиеся, казалось, на дне души былые чувства и желания всколыхнулись и зловонной пеной, как перестоявшая брага,

неудержимо стали подниматься вверх, вызывая изжогу в горле, жжение в глазах и помутнение в мозгу.

Он подсел на этот фильм, как на наркотик. Купил кассету, спрятал и смотрел ночами один, тайком, когда все спали. Кино старомодное, милое, лёгкое. Героиня всё время попадала в какие-то комичные ситуации, но, нисколько не смущаясь этим, весело катила по улицам красивого провинциального городка навстречу своему счастью. Василий смотрел и видел в ней ту, летнюю дачную Нелю. На том же велосипеде. Так же говорящую не по-русски, чтобы поставить его в глупое положение и повеселить этим своих друзей. Не принимающую его искреннюю, от всей души помощь. Отвергающую его любовь. Сейчас ему казалось, что он всегда любил её, с того самого лета.

Взрослый мужик, отец двоих сыновей, сильный, немногословный, грубоватый, много работающий и хорошо зарабатывающий, перебравший на своём веку немало женщин, с радостью падавших в его объятия, вновь почувствовал себя молодым, плохо образованным деревенским парнем, который стоит, как дурак, перед девчонкой-дачницей, лежащей на полотенце в соблазнительном купальнике. Смотрит на губы, с которых слетают незнакомые ему слова, вызывающие смех у её друзей. Вся компания лениво перебрасывается этими словами, как мячиками, и Василий чувствует, что над ним потешаются. У него чешутся кулаки и стучит в висках, он легко может отметелить всех этих городских пижонов, но знает, что всё равно останется в дураках. Вот что приводит его в бешенство – невидимая стена, о которую хоть лоб расшиби, а по ту сторону всё равно не окажешься и девчонка, при одном взгляде на которую у него каменеют скулы и белеют крылья носа, никогда не прижмётся к нему в трепетном ожидании.

И он снова и снова ставил кассету и смотрел, словно бился об эту стену, представляя, что бы сделал, если бы вдруг под его отчаянными ударами она рухнула, звеня осколками, и он выскочил на узкую мощёную улочку наперерез движению, прямо под колёса, закрытые до середины – плетёными?.. вязаными?.. – сеточками. Он уже не мог без этого. Смотрел, бился, представлял – и получал от этого острое мучительное удовольствие.

Фильм был – музыкальная комедия, но он смотрел его, как триллер. Напряжённо всматривался в лицо героини – Нели! – в её пухлые, чётко очерченные губки, произносящие какие-то слова, и узнавал артикуляцию, когда звуки формируются не в глубине рта, а где-то впереди, между зубами и губами, и при разговоре мелькает кончик языка. Звук он отключал. Музыка раздражала, она никак не соответствовала его настроению, а гнусавый переводчик озвучивал совсем не то, что он хотел услышать. Он сам мысленно вкладывал в уста героини желаемые слова, и они были обращены к нему, Василию, а не к напыщенному хлыщу с завитыми и напомаженными волосами и смешными усиками. Он смотрел и плавился на медленном огне вождения и ревности. Не помнил о времени, о жене, о работе. Словно проваливался в другую реальность. В Зазеркалье. Правда, Кэрролла он не читал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.